

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201139-153>

Исследовательская статья

Магомедханов Магомедхан Магомедович,
доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии
Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия
mkhan@yandex.ru

Садовой Александр Николаевич,
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
sadovoy.a.n@gmail.com

Магдилов Мажид Магдиевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
madgmag65@gmail.com

ТРАДИЦИИ КАК РЕСУРС ОСВОЕНИЯ ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ДАГЕСТАНА

Аннотация. Статья посвящена вопросам использования этнокультурных традиций в целях сохранения и развития социально-экономического и демографического потенциала горных территорий Дагестана. Отмечено, что: а) в имперскую эпоху были узаконены сельская община и её институты самоуправления (Положение от 26 апреля 1868 г.), сохранены традиционные системы хозяйствования, землевладения, землепользования, образования, судопроизводства; проникновение в горные районы капиталистических отношений на рубеже XIX–XX вв. способствовало развитию, а не вытеснению традиционных форм хозяйства, – все это в совокупности способствовало удержанию края в режиме управляемости и благополучия; б) в советское время административно-территориальное деление ДАССР, обобществление (национализация и социализация) и выделение в пользование колхозов общинных (хТарим), частных (мульк) и переданных завещанием в управление мечетью (вакуф) земель было осуществлено в целом с учетом границ сельских общин; к середине 1960-х – началу 1970-х годов прослеживаются признаки социальной ориентированности колхозов, отождествления в общественном сознании сельской общины с «общиной» колхозной; в) приватизация колхозной собственности (административные и хозяйственные постройки в горах и на «землях отгонного животноводства, транспорт, сельхозтехника и др.), передача альпийских и зимних (кутаны) пастбищ «новым хозяевам», отстранение традиционных институтов сельского самоуправления от выделения «хозяйствующим субъектам» сельхозугодий, средств господдержки по федеральным и региональным программам, – все эти процессы перестроечного и постсоветского периодов привели к деградации горной экономики и, как следствие, депопуляции горных территорий. Подчеркнуто, что этнокультурный облик горных районов (которые в Дагестане, de facto, остаются вне зоны новейших технологий Горной экономики) определяется не только физико-географическими и экономическими факторами, но и самим фактом существования «жизни в горах» в социально-демографическом, этнокультурном понимании данного понятия.

Ключевые слова: Дагестан; традиции как ресурс; землепользование; поземельные отношения; горы; горцы; сельская община; этнокультура освоения гор

Для цитирования: Магомедханов М.М., Садовой А.Н., Магдилов М.М. Традиции как ресурс освоения горных территорий Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 139–153.

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201139-153>

Research paper

Magomedkhan M. Magomedkhanov,
Dr. Sci., Head of Dept. of Ethnography
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
mkhan@yandex.ru

Alexander N. Sadovoy,
Dr. Sci., Prof., Chief Researcher
Subtropical Research Centre of the RAS, Sochi, Russia
sadovoy.a.n@gmail.com

Mazhid M. Magdilov,
Cand. of Law Sciences
Dagestan State University, Makhachkala, Russia
madgmag65@gmail.com

TRADITIONS AS A RESOURCE FOR THE DEVELOPMENT OF MOUNTAINOUS TERRITORIES OF DAGESTAN

Abstract. The article examines the maintenance of ethno-cultural traditions aimed at preserving and enhancing the socio-economic and demographic vitality of the mountainous regions of Dagestan. It highlights the following points: a) during the imperial era, rural communities and their self-governing institutions were formally recognized (Regulations of April 26, 1868), thereby safeguarding traditional systems of governance, land tenure, land use, education, and legal proceedings. The onset of capitalist relations in the mountainous regions during the late 19th and early 20th centuries actually stimulated the development, rather than displacement, of traditional economic structures. This collective effort contributed to maintaining the region's stability and prosperity; b) in the Soviet era, the administrative-territorial organization of the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic (DASSR) saw the implementation of socialization measures, including nationalization and the distribution of communal (khIarim), private (mulk), and mosque-administered (waqf) lands to collective farms, with due consideration given to the boundaries of rural communities. Following the Second World War (1941-1945), collective farms gained prominence; c) the processes of perestroika and post-Soviet periods witnessed the privatization of collective farm assets, including administrative and auxiliary buildings in mountainous areas and lands designated for transhumance, as well as the transfer of alpine and winter pastures to new owners. Traditional rural self-governing institutions were gradually marginalized in favor of "economic entities." Despite receiving state support through federal and regional programs, these changes led to the decline of mountain economies and subsequent depopulation of these regions. The article underscores that the ethno-cultural landscape of mountainous areas, which largely remain outside the realm of modern mountain economy technologies in Dagestan, is shaped not only by physical-geographical and economic factors but also by the inherent way of life in these regions, as understood through socio-demographic and ethno-cultural lenses.

Keywords: Dagestan; traditions as a resource; land use; land relations; mountains; mountaineers; rural community; ethnoculture of mountain development

For citation: Magomedkhanov M.M., Sadovoy A.N., Magdilov M.M. Traditions as a Resource for the Development of the Mountain Territories of Dagestan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. N.1. P. 139-153.

Введение

Вопросы адаптации традиционных социальных структур, типов хозяйства, правовой культуры горских народов к эпохально меняющимся государственно-правовым, социально-экономическим, политическим и идеологическим реалиям имперского, советского и постсоветского периодов представляют не только сугубо академический интерес, но и имеют, в условиях безудержной депопуляции гор [1, с. 507–522], прямое отношение к перспективам сохранения демографического, социально-экономического потенциала, этнокультурных ландшафтов горных территорий. Изучение данной проблематики на примере самого крупного и многонационального региона Северного Кавказа, каковым является Республика Дагестан (РД) может послужить информационно-методическому обеспечению программ развития горных территорий Российской Федерации, которые занимают более 50% всей её территории.

Предметная область отечественной и зарубежной историографии, посвященной проблемам освоения горных территорий, как правило, включает общетеоретические, экономические, экономико-географические, экологические проблемы [2]. Демографические аспекты проблематики – трансформация системы расселения, структуры населения и его воспроизводство как заданный структурами власти фактор изменения этносоциальной обстановки, как правило, остаются за пределами внимания. Экологическая детерминанта вариативности культуры жизнеобеспечения сельских анклавов, обусловленная вертикальной зональностью природно-территориальных комплексов (ландшафтов) – объект исследования культурной географии, политологами и экономистами не рассматривается в антропологической проекции. В силу этого упускаются возможности анализа традиционной культуры в качестве имплицитного компонента или системного фактора: а) устойчивости традиционных систем экологического менеджмента; б) преемственности экономической специализации моно- или полиэтнических горных и прилегающих к ним территорий; в) традиционности социальных регуляторов повседневной жизни сельских анклавов социумов, на основе не всегда кодифицированных норм права.

Проявляющиеся в последние годы «технократические» подходы к изучению «жизни в горах», как правило, не нацелены на изучение того, что лежит «в этнологической плоскости», в этнокультурной самобытности горных регионов. Не учитывается, что горы – это не только физико-географическое, геологическое или геостратегическое, но и этнографическое осознание пространства, в котором органически сочетается восприятие истории, традиции жизнеобеспечения, культуры и быта горных стран и народов.

Методологические подходы и источники

Исследование традиций населения горных районов, как исторического и культурного феномена, возможно только на основе методологических принципов системного подхода. Связано это с обусловленностью передаваемых из поколения в поколение веками апробированных форм социальной организации и взаимодействия

с органами государственной власти, адаптации к близким к экстремальным природным условиям, придание устойчивости системе внутри- и межэтнических коммуникаций, противодействия идеологемам, отвергающим семейные, родовые и религиозные ценности. Перманентность этих процессов прослеживается на всех этапах российской государственности – имперском, советском и постсоветском. Они имплицитны, так как свойственные им функции в структуре коммуникационных связей проявляются независимо от осознания их содержания. Не вызывает сомнения и их латентный характер.

Для носителей культуры процессы эти «скрыты» в «обыденности» и «повседневности» связи между формами использования природных ресурсов (как системы) и культуры жизнеобеспечения, проявляющейся во многообразии и функциональности архитектурных форм, орудий производства и традиционной утвари, семейной и религиозной обрядности.

Для носителей «культуры равнин» жизнь в горах, априори, непонятна в силу четко выраженной ее самобытности, определяемой экологической детерминантой. Для представителей органов власти – в перманентной недооценке значимости «традиционной культуры» как социального регулятора, воздействие на который вне зависимости от форм государственного устройства и политического режима, объективно, формирует очаги межэтнического противодействия. А в политической сфере – различные формы «сепаратизма», как производного от проводимой на региональном уровне национальной и экологической политики в их логической взаимосвязи. При этом существует крайне ограниченное число работ, посвященных анализу среднесрочных и долгосрочных социальных и экологических последствий (во взаимосвязи) реализуемого в горных условиях Кавказа политического курса.

Не вызывает сомнения необходимость «вторичного анализа» историографических источников, содержащих информацию как содержательной части социальных изменений в горных районах, роли и места традиционной культуры в системе внутри- и межэтнических коммуникаций, так и сложившихся в отечественной и зарубежной историографии концепций и рабочих гипотез о специфике (региональной, локальной) взаимосвязи и взаимообусловленности политических, социально-экономических, социокультурных процессов (включая этнические и конфессиональные) и экологических процессов. Генезис и деградация антропогенных ландшафтов, внешние и внутренние факторы воздействием на эти процессы, по своей актуальности являются одними из наиболее перспективных объектов исследования ближайших десятилетий.

Акцентируем внимание на том, что «очеловеченное» представление о горах как этно-экологическом феномене и объекте системного (комплексного), культурно-исторического, цивилизационного исследования для российского кавказоведения традиционно.

Выявление характерных для различных природно-географических зон комплексов хозяйства, материальной и бытовой культуры, установление детерминантной корреляции между хозяйственно-культурными ареалами и «предпосылками для взаимных хозяйственных, торговых, культурных, а затем и политических контактов» – эти и другие положения, сформулированные М.-З.О. Османовым [3; 4], позволяют исследователям пересмотреть оценки уровня формационно-стадиального развития Дагестана в исторической перспективе.

Важное методологическое значение в изучении социальной истории Дагестана имеет труд М.А. Агларова о сельской общине [5], которая, по определению А.В. Гадло,

«в течение многих столетий являлась фокусом всей экономической, социальной и политической жизни Дагестана» [5, с. 4],

Особое место дагестанской школы историографов в разработке методологических подходов исследования генезиса социальных институтов автохтонных этносов, этнических и экологических процессов в контексте проводимой социальной политики можно проследить при сопоставлении с разработками по другим горным экорегионам России [6–10]. Интерес представляет то, что этнографический материал по сельским анклавам Саяно-Алтайского экорегиона стал основой разработки методик, направленных на выявление механизма (комплекса причинно-следственных связей) трансформации традиционных социальных институтов и систем жизнеобеспечения, охватывающих имперский, советский и постсоветский периоды [11; 12]. Целесообразность апробации предлагаемых специалистами в области «монтологии» как новой научной дисциплины [2, с. 28] подходов определяется отчетливо выраженной научно-прикладной значимостью этой проблематики. Проявляется это при решении проблемы включения структурных подразделений РАН в формируемую систему информационного обеспечения проводимого курса национальной политики. В этой связи, подходы и вклад дагестанской школы этнологов получили освещение в ходе всероссийской научно-практической конференции «Информационное сопровождение и социальные технологии реализации стратегии национальной политики в российской части Кавказа: межрегиональный и региональный уровни» (6-7.10. 2023г. режим онлайн – ООО «Знание»)¹.

Само обращение формируемых в Республике Дагестан научных школ к генезису традиционных социальных институтов как объекту социальной политики, механизму их адаптации к меняющейся природной и социальной средам, находится в тренде отечественных исследований по стратегии развития горных экосистем [2; 13]. Здесь же отметим, что динамика публикаций по данной проблематике за прошедшие два столетия во многом определяет необходимость появления исследований историографического плана, отражающих уровень накопленных знаний по этнической истории и культуре народов Дагестана. Это позволит прервать тенденцию прямого воздействия меняющихся идеологем на выявление закономерностей социогенеза и культурогенеза, а также определить место региональной историографии в исследовании специфики и преемственности национальной и экологической политики российского государства [14].

В контексте формирования общенациональных законов и целевых программ развития горных территорий как процессов информационного обеспечения национальной политики прослеживается необходимость расширения круга нормативно-правовых и делопроизводственных источников. И здесь, помимо действующих целевых программ – «Горы Осетии» и «Горы Дагестана», можно выделить ряд нормативных актов конца 1990-х – начала 2010-х гг., определяющих позицию органов власти в вопросах стратегического развития горных территорий². Анализ источников отражает,

1. С 4 по 6 октября в Сочи проходила конференция, посвященная вопросам информационного сопровождения национальной политики в российской части Кавказа // Институт этнологии и антропологии РАН. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://iea-ras.ru/?p=11656>

2. Закон Республики Дагестан от 16.12.2010 № 72 «О горных территориях Республики Дагестан» (принят Народным собранием РД 09.12.2010) // Дагестанская правда. 2010.18 декабря. № 441; Закон Республики Северная Осетия – Алания «О горных территориях в Республике Северная Осетия – Алания» (В редакции Закона Республики Северная Осетия – Алания от 22.05.2006 № 28-пз) [Электронное издание] // Сейчас.ру. Новости России и мира. URL:<https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1404635> (дата обращения 10.09.2018).

что причины негативных последствий горной политики часто кроются не в технологиях принятия управленческих решений или финансово-экономического обеспечения последних, а в игнорировании этнокультурных факторов, в недопонимании важности стратегической цели сохранения и развития этнокультурного многообразия России. В силу этого, представляется, что региональные стратегии развития горных территорий должны быть хорошо адаптированы к местным этнокультурным традициям и горному укладу хозяйствования, равно как и к современным социально-культурным и экономическим запросам населения. Так, в «старом Дагестане» проблемы жизнеобеспечения в условиях естественного для горных ландшафтов дисбаланса между пастбищными и пашенными угодьями были сведены, благодаря отгонному овцеводству, зональной (Горы – Равнина) специализации на террасном земледелии, горно-долинном садоводстве, на различных видах народных художественных промыслов и, прежде всего, торговле, к возможному минимуму.

С другой стороны, разрабатываемые стратегии развития горных районов Кавказа, нормативные акты по регуляции широкого спектра социальных отношений, включая внутри- и межэтнические в сфере региональной политики, экономики, культуры, должны опираться как на исторический контекст их модернизации под воздействием проводимой органами государственной власти политики, так и на анализ динамики изменения внутри- и межэтнических коммуникаций с учетом их конфессиональной составляющей. Только в этом случае традиционная культура может выступить основой устойчивого развития территорий, а не фактором дестабилизации социальных коммуникаций. Роль разработок в сфере классической этнографии (кавказоведении) и прикладной антропологии в достижении этой цели не вызывает сомнений в среде экспертного сообщества России.

Традиции управления: результаты и дискуссии:

Имперский опыт

В Дагестане, как и в других горных регионах имперской России, основным объектом национальной политики выступали не население административно-территориальных образований (губернии, округа, уезды, волости и т.д.), не этносы или представляющие их элиты, а традиционные социальные институты (включая конфессиональные). Основными из этих институтов выступали территориальная (сельская), в некоторых районах и родовые общины. Территория природопользования сельской общины (джамаата) не только в соответствии с нормами обычного права, но и в строго юридическом контексте рассматривалась как общественная земельная собственность [15–19]. При этом, каждый член общины являлся не только «землепользователем», но и «совладельцем» поселковой территории. Одновременно – «собственником» пахотной земли и сенокосов, находящихся в хозяйственном обороте семьи. Части общинных пастбищ иногда сдавались в аренду (функция распределения) малоземельным общинам, при распределении доходов между членами джамаата. Проблема перенаселенности Нагорного Дагестана решалась путем интенсификации и повышения продуктивности земледелия, развития экстенсивных форм скотоводства, специализации отраслей хо-

зяйства, развития ремесел, торговли, отходничества, локальными переселениями, т.е. в соответствии с марксистской методологией – «практически всеми мыслимыми формами экономики доиндустриальной эпохи» [5, с. 150].

В историческом контексте в категории земельной собственности входили: а) частное землевладение – ханские, бекские земли; б) вакуфные (мечетские), а в эпоху Шамиля – земли Имамата (байт-ул-мал); в) государственный («казенные», «царской казны»). Уже к последней трети XIX в. земли «байт-ул-мал» и «ханские» как правовые категории перестали существовать. Здесь интерес представляет тот факт, что определение кадастровой стоимости земель, находящихся в земельном обороте жителей Дагестана, как в других горных районах трансграничной зоны юга России в имперский период органами государственной власти не проводилось.

Система поземельных отношений в горных районах Дагестана, при которой соотношение прав «земельных собственников» и «земельного пользователя» имело четко выраженную иерархическую соподчиненность и сферу столкновений этнических, межэтнических, частных и государственных интересов, была крайне динамичной. Уровень развития региональной историографии позволяет только очертить социальные тренды, характерные в имперский период для региона в целом.

Следует отметить, что категория «социальный тренд», отражающая направленность, содержание и динамику региональных процессов в сфере политики, экономики и культуры, далеко не тождественна понятиям этнические процессы и этносоциальная обстановка имеющим более жесткую топологическую привязку. Горные экосистемы обуславливают исключительно широкую вариативность форм социальной организации, систем и культур жизнеобеспечения, ориентированной на «выживание». Традиционная культура горца, смысловым содержанием которой выступает «искусство выживания и достойная жизнь», а не «получение прибыли», придает социальным институтам исключительную устойчивость. Не случайно, в отличие от равнины, где имелись обширные пастбища и пашни, в прилегающих к высокогорью районах Дагестана земельные отношения не претерпели сколько-нибудь существенных (качественных) изменений. Здесь, благодаря рациональному использованию каждого пригодного для устройства горной террасы, сенокоса или сада клочка земли, а также расчетливому посезонному распределению пастбищ, традиционные ресурсы совершенствования горного хозяйства были исчерпаны или находились в таких сферах как народные промыслы, отходничество. Об этих и других особенностях землевладения и землепользования администрация Дагестанской области знала «с первых рук» и поэтому была убеждена в отсутствии необходимости и даже вредности реформ в этой сфере.

Военно-народное управление

В историографии уже отмечалось, что «попытки управлять Дагестаном через феодальную прослойку, как это делали европейские государства в своих колониях (косвенное управление), не удались из-за особенностей общественно политического строя народов Дагестана. Традиционно власть принадлежала народу (через демократически избираемые органы самоуправления), чем и воспользовались реформаторы на Кавказе, что оказалось сильнее военного владычества» [20, с. 312].

При образовании Дагестанской области Российской Империи (1862 г.) было сохранено деление на наибства и сельские общины, возрождено выборное сельское управление, созданы выборные сельские, окружные и Дагестанский народный суды, делопроизводство в которых велось на арабском языке, а иски (за исключением дел по умышленным убийствам и антиправительственным бунтам) рассматривались по шариату и адату [20, с. 315].

А.М. Дондуков-Корсаков (1820–1893), в компетенциях которого как выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета, Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа (1882–1890) нет никаких сомнений, об управлении Дагестаном отозвался так: «По счастью, в Дагестанской области и до сей поры не введены новые судебные учреждения, с их усовершенствованными европейскими формами судопроизводства, и сложный механизм общегражданского административного управления. Там продолжает действовать система военно-народного управления..., при возможности сильно и быстро проявлять власть и, главным образом, благодаря народным судам, решающие дела по установившимся издавна и частью измененным применительно к новым понятиям обычаям, Дагестан представляет разительный пример спокойствия и порядка и полной беспрекословной покорности требованиям и распоряжениям начальства; население вполне довольно действующей системой; преступления совершаются преимущественно только из кровной мести, еще далеко не утратившей значения для дагестанца; грабежей и разбоев так мало, что в этом отношении Дагестану может позавидовать даже Тифлисская губерния: напр.: в 1886 г. в Дагестане на 600.000 жителей не было совершено ни одного разбоя и грабежа, тогда как в Тифлисской губернии, где действуют новые суда и общегражданские учреждения, на 800.000 жителей было совершено 211 грабежей и разбоев» [21, с. 25–26].

Следует отметить, что «вновь созданный административно-политический и правовой строй в Дагестане был по форме наиболее обогащенным и, по сути, наиболее гармоничным во всей империи. Более того, в таком формате «военно-народное управление» не имеет исторических аналогий и заслуживает подробнейшего изучения» [20, с. 317]. В частности, особый интерес представляет имперский опыт решения обычно острых для Дагестана поземельных споров, конфликтов и тяжб, сведения о которых скрупулезно собирались и фиксировались имперскими комиссиями по поземельно-сословным отношениям, работавшим в Дагестанской области с 1869 по 1917 годы [22].

Советский период

С установлением советской власти в Дагестане были апробированы социальные технологии, ориентированные на: а) унификацию институтов государственной власти – на уровне союзных республик и национальных автономий; б) создание социально однородного (бесклассового) общества и ликвидацию на этой почве проявлений социальной, этнической, этносоциальной, конфессиональной стратификации; в) «выравнивание» уровня социально-экономического и культурного развития «центра» и «национальных окраин» путем активного внедрения «научно-обоснованных» и «эффективных» форм сельскохозяйственного и промышленного производства.

К проблеме «классовой стратификации» Дагестанского общества в 1920-е гг.

Интерес представляет характер восприятия населения как объекта социальной политики с ее «классово-ориентированной» составляющей. Его специфика проявляется в том, что по данным на 1913 г., в Дагестанской области к страте «помещиков» (крупных земельных собственников) относилось меньше процента (0,7%) населения. Характерных для российских губерний «поместий», собственно, в горных долинах Дагестана не было. В силу этого образ «горца-помещика» в народном сознании не сформировался.

В 1925–1927 гг. при Совнаркоме Дагестана были созданы комиссии по выселению бывших помещиков. Первая из этих комиссий выявила 196 «бывших помещиков», из них ни одного в весьма небедных в дореволюционный период Самурском, Даргинском и Гунибском округах. Последняя из упомянутых комиссий под председательством Дж. Коркмасова с 20 июля по 2 августа 1927 г. провела 10 заседаний, в результате которых «вопрос о выселении коснулся 116 бывших помещиков», в том числе из Аварского округа – 3; из Лакского – 6; Кайтаго-Табасаранского – 8; Кюринского – 10; Буйнакского – 14. Таким образом, во всем Нагорном Дагестане комиссия выявила 41-го бывшего помещика, тогда как только в Хасавюртовском округе – 45. Всего было решено выселить 65 бывших помещиков. «Конфискации подверглись земли и инвентарь 51 хозяйства. У выселенных изъяли 34 тыс. мериносовых и грубошерстных овец, более 700 голов крупного рогатого скота (КРС), свыше 50 лошадей, около миллиона рублей» [23, с. 220–221].

Приведенные статистические данные по «национализированной» движимой собственности, при отсутствии на территории Дагестана страты «крепостных» крестьян, свидетельствуют о широко распространенной практике найма, в марксистской историографии, трактуемой как «формы экономической эксплуатации», т.е., с одной стороны – о сформировавшейся страте «наемных сельскохозяйственных работников», с другой, о широкой вариативности экономических отношений в регионе, которые, однозначно, нельзя относить к «патриархально-феодальным».

Сведения эти проливают свет и на социальную стратификацию дагестанского общества накануне установления советской власти, а также на то, почему судебные и мировые (маслахат) решения по поземельным искам сельских общин принимались окружными и областными судами, областной и кавказской администрациями с расчетом на завоевание доверия сельских общин к царской власти как к инстанции справедливости, т.е. на обеспечения спокойствия в крае [24, с. 194]. Что касается «захватов княжеских и бекских земель» в годы Гражданские войны (1917–1921), трактуемых как свидетельство «роста классового сознания дагестанского крестьянства», отметим, что сельские общины возвращали свои же земли, изъятые у них по произволу (т.е. вопреки адату и шариату) и дарованные военными властями новым владельцам за их службу в период Кавказской войны, т.е. до образования Дагестанской области.

Как справедливо отмечал Г.Г. Османов, «основным типом хозяйства и основным собственником средств производства в горном Дагестане накануне революции... было мелкое крестьянское хозяйство, имеющее от 25 до 100 овец, до двух голов

рабочего скота и до 0,5 десятин земли». По его подсчетам, мелкие крестьянские хозяйства составляли 59,9% всех хозяйств, «в их руках находилось 69,5% крупного рогатого скота, 65,1% всех овец и коз, на долю мелкокрестьянского уклада в горах приходилась подавляющая часть всего населения и свыше 2/3 всего сельскохозяйственного производства» [25, с. 141]. Эти принципиальные для понимания природы социальной структуры досоветского Дагестана факты позволили автору обосновать вывод о преобладании в Дагестане «среднего класса».

Объективный анализ сословно-поземельных отношений в «старом Дагестане», особенно в высокогорной его части, обнаруживает основания и признаки социальной справедливости, которые не совсем вписываются в по сей день декларируемые в дагестанской историографии Дагестана социальные стратификации «крестьяне-помещики» и прочие категории классовой борьбы.

Примечательно, в этой связи, заявление Наркомзема ДАССР М. Ахундова о претворении в жизнь большевистского лозунга «Земля – крестьянам!» в горах Дагестана: «Через 10 лет после Октябрьской революции дагестанские горцы имеют те же голодные земельные наделы, которые они имели и до революции. Происходит это не потому, что в Дагестане не были изгнаны помещики и не была проведена национализация земель... в Дагестане исторически сложившиеся земельные условия таковы, что одна только национализация не могла дать земли крестьянству» [26, с. 68].

Коллективизация

Исследования дагестанских историков и этнографов формируют основу для более глубокого осознания восприятия «коллективизации» как социальной технологии, направленной на «слом» системы социальных коммуникаций, обеспечивающих не только сохранение традиционных социальных институтов и культуры как основы этнической самоидентификации, но и чисто физическое выживание в природных условиях, близких к экстремальным. Последствия этого курса были вполне прогнозируемы – антиколхозное движение, социальные процессы, которые по своей направленности, охватам, проявлениям насилия не имели отличий от событий, охвативших всю страну. Так, весной-летом 1930 г. начались вооруженные восстания в Дидоевском участке Цумадинского района, Курахском, Касумкентском, Табасаранском районах [27, с. 6–7, 42–44, 49, 149–153, 159].

Миграционная политика. Ход, последствия

Одной из наиболее ярких элементов национальной политики на территории Дагестана в советский период выступает стремление органов власти реформировать систему расселения и структуру населения, что объективно приводило не столько к трансформации, сколько качественному слому сохраняющейся веками системы социальных коммуникаций, базирующихся на традиции передачи от поколения к поколению опыта в сфере традиционной экономики. То, что миграционная политика имела четко выраженные признаки волюнтаризма, не вызывает никаких сомнений [28].

Уже к концу 1920-х гг. переселение с гор на равнину было объявлено путём к «изобилию и культуре» и стало и приобретать признаки долгосрочной политики.

В октябре 1927 г пленум Дагестанского обкома партии рассмотрел и обсудил доклад Наркома земледелия ДАССР М. Ахундова «О земельной реформе ДАССР», согласно которому планировалось переселить на равнину 49500 хозяйств (около 200000 человек), из них 6000 хозяйств (30000 человек) намечалось переселить в течение 7 лет, а остальные могли переселить по мере акклиматизации в новых климатических условиях [26, с. 42–43]. И это притом, что на 1926 г. все сельское население ДАССР составляло 703, 1 тыс. чел, в том числе в горных округах – 466 579 чел. [29, с. 247–250]. Данный проект осуществлялся в периоды истории СССР, отмеченные демографическими последствиями двух мировых и Гражданской войн, репрессий в 1928–1938 гг., болезней, голода. Для карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, как и для калмыков, крымских татар, поволжских немцев и других народов, истекшее столетие омрачено депортациями 1943–44 гг. В общей сложности в упраздненную ЧИАССР было переселено в принудительном порядке «16 100 хозяйств (62 тыс. человек) или 1/5 часть населения горной зоны Дагестана» [30, с. 84–85]. Помимо этого, с конца 1950-х до 1980-х гг. с гор в равнинные районы Дагестана было переселено более четверти миллиона человек, создано 75 новых населенных пунктов и множество переселенческих кварталов в старых равнинных селах [29, с. 259].

«Вымывание традиционных форм хозяйствования»

М.-З.О. Османов, рассматривая причины «вымывания традиционных форм» хозяйствования в Дагестане в постсоветский период, отмечал, что колхозно-совхозный строй «отлучил крестьянина от земельной собственности» [4, с. 210].

Социальную ориентированность колхозов, особенно с 1960-х годов, гордость односельчан за успехи своего колхоза («бизин колхоз коп яхши») отрицать невозможно. Колхозник, чабан, доярка, сельский учитель, фельдшер могли рассчитывать на помощь колхоза в выделении автомашины для перевозки из города грузов, на выделение скотины на убой для проведения похорон. За счет колхоза выделяли школам автомашины, ремонтировались учреждения культуры, создавались детские садики и т.д. Дагестанцы, внешне смирившиеся с потерей муьков («отцовских» земель), все же продолжали сохранять сознание вековечности территории своего джамаата. Кроме того, к середине 1960-х – началу 1970-х годов прослеживаются признаки отождествления в общественном сознании сельской общины с «общиной» колхозной.

«В советский период..., весьма успешно развивалось самоуправление в сельском хозяйстве в виде колхозов, решавших многие вопросы социального характера, в том числе связанные с землей. Колхозы представляли собой своеобразный аналог традиционной общины, и их роспуск усложнил вопросы землепользования» [31, с. 156],

Постсоветские тренды социальной трансформации

В результате распада СССР, «возврата» к рыночной экономике, созданные десятилетиями системы социальной стратификации и межрегиональных экономических связей были разрушены. Стратегия развития сельскохозяйственных потребительских кооперативов на базе кооперации крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйств, оказалась, как подтверждается полевыми материалами, невостребованной. Перемены конца 1990-х гг. были ориентированы на навязывание сельским анклавам тех моделей землевладения и землепользования, которые входили в противоречие как с устоявшимися в советское время, так и с традиционными (досоветскими) социальными регуляторами и правовыми нормами.

Экономические и социально-психологические последствия постсоветских трансформаций ощутили на себе не только бенефициары демонтажа советской системы и колхозно-совхозного строя, но и те, кто остался в убытках. Анализ данной проблемы, с детализацией её земельно-правовых, этносоциологических аспектов, с объяснениями почему социально-психологические напряженности на почве поземельных отношений внутри сельских общин носят латентный характер, а между общинами выливаются в открытые конфликты, а также описание «потерь и приобретений», связанных с развалом СССР (лишение южно-дагестанских овцеводов права пользования зимними пастбищами в Азербайджане, распродажа кошар, сенокосов, хозяйственных помещений и иного имущества, ранее арендуемого грузинскими овцеводами на зимних пастбищах на севере Дагестана и др.), авторы этих строк имеют в виду представить в виде отдельной публикации. Здесь же ограничимся принципиально важной, на наш взгляд, констатацией: «технократические» решения глобальных задач экономики не должны реализовываться в ущерб традициям жизнеобеспечения, этнокультурной самобытности горных анклавов. Показательны в этом отношении последствия массового переселения горцев на равнину и одностороннего развития экономики Прикаспийской равнины: более двухсот горных селений остались заброшенными, еще столько же на грани вымирания. Инфраструктурное, социально-демографическое состояние Махачкалинско-Каспийской агломерации, куда стекаются миграционные потоки с гор, остается проблематичным: «Перспектива сосредоточение на 5% территории региона более половины населения вызывает тревогу за сохранение демографического благополучия и возможности дальнейшего роста качества жизни в агломерации, где происшедший в последние 15 лет бесконтрольный рост и хаотическая застройка всех свободных территорий в главном городе Махачкале перекрывает возможности этого муниципального образования самостоятельно решить проблемы своего развития» [32, с. 11].

Заключение

Горные территории России, при всем том, что они отличаются этнокультурными и социально-экономическими характеристиками, имеют много общего в плане недочетов в управленческих практиках, законодательном регулировании (на региональном и федеральном уровнях) вопросов местного самоуправления, экологии, горного туризма, горной экономики. Однако, это не снимает проблему формирования приемлемых для конкретных микрорегионов программ, в том числе относительно

неразрешимой на первый взгляд проблемы возрождения заброшенных горных сел, сельскохозяйственных угодий и народных художественных промыслов.

Региональные стратегии развития горных территорий должны быть хорошо адаптированы к местным этнокультурным традициям и горному укладу хозяйствования, а также к современным социально-культурным и экономическим запросам населения. Особенно отчетливо эти тенденции стали проявляться в труднодоступных горных районах, где, с одной стороны, вертикальная зональность природно-территориальных комплексов (ландшафтов) оказала детерминирующее воздействие на системы природопользования, при которых регулирование поземельных отношений (вне зависимости от смен государственного устройства, политических режимов, института земельной собственности) базируется на традиционную хозяйственную специализацию и апробированные веками системы жизнеобеспечения. С другой стороны, такое регулирование базируется на традиционные социальные институты, системы внутри- и межэтнических коммуникаций, определяемых этнической историей на всех этапах российской государственности, этнической и этносоциальной стратификацией, религиозным мировосприятием (а не только потребительским), меняющейся социальной и экологической среды. Культура в контексте накопленного поколениями опыта выживания в горных условиях является не абстрактной категорией, а критерием оценки, проводимой органами власти на всех этапах существования российской государственности.

В этой связи курс на устойчивое развитие горных местностей имеет свою специфику, которая видится в исключительной важности сохранения не только базовых условий воспроизводства демографического, финансово-экономического, природно-ресурсного, экологического потенциалов территорий как таковых, но и традиционного хозяйственно-культурного уклада в широком смысле, включающем апробированные веками правовые регуляторы землевладения и землепользования, нормы общественного быта, этики поведения, т.е. все то, что почти в нетронутом виде было сохранено в имперский период истории и в весьма трансформированной форме существовало в советское время на территории Российского Кавказа. При этом эффект деятельности государственных структур, институтов гражданского общества, национально-культурных образований по преодолению негативных социально-экономических и политических последствий трансформации этнокультурной составляющей дагестанской идентичности, в том числе ее «горского» компонента, существенно зависит от приоритетов, правовых основ и механизмов реализации культурной политики, от использования народных традиций и общероссийских практик сохранения экологического, демографического, культурного и, как следствие, экономического и рекреационного потенциала гор.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках реализации государственных заданий ФИЦ СЦ РАН FGRW-2024-0002, № госрегистрации 122032300400-5 и ДФИЦ РАН НИОКТР, Рег. № ИКРБС № госрегистрации 122032300122 – 6.

Acknowledgement. The publication was prepared as part of the implementation of state assignments from the FRC SRC RAS FGRW-2024-0002, state registration No. 122032300400-5 and the DFRC RAS, Reg. No. IKRBS No. state registration 122032300122 – 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Магомедханов М.М., Садовой А.Н. Этносоциальные последствия депопуляции горных территорий: Дагестан и Северная Осетия // История, археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17. № 2. С. 507–522.
2. Баденков Ю.П. Жизнь в горах. Природное и культурное разнообразие – разнообразие моделей развития. М.: GEOS, 2017. – 479 с.
3. Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX в.). Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. – 316 с.
4. Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху. Закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм. М.: Наука, 2002. – 220 с.
5. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.: (исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). 2-е изд., доп. Махачкала: Наука-Дагестан, 2014. – 287.
6. Авасян Г.Е. Люди и горы. История, теория, практика. М.: Мысль, 1989. – 230 с.
7. Горы и люди. Изменение ландшафтов и этносы внутриконтинентальных гор России. Чистяков К.В., Н.В. Каледин (Ред) – СПб: ВВВ, 2010. – 438 с.
8. Исследование гор. Горные регионы северной Евразии. Серия Вопросы географии / отв. ред. В.М. Котляков, Ю.Б. Баденков, К.В. Чистяков. М.: ИД «Кодекс», 2014. – 584 с.
9. Садовой А.Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – нач. XX вв.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992. – 160 с.
10. Традиционные знания коренных народов Саяно-Алтайского экорегиона в области природопользования. Информационно-методический справочник. Барнаул: Изд-во Азбука, 2009. – 310 с.
11. Садовой А.Н., Прюель Н.А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика. Научно-методический комплекс. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1886. – 160 с.
12. Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозерова М.В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: ООО «Практика», 2014. – 358 с.
13. Этнокультура освоения гор: Северный Кавказ / под общей редакцией М.М. Магомедханова, А.Н. Садовой, З.В. Агаева. Махачкала: Изд-во «АЛЕФ». – 218 с.
14. Садовой А.Н., Белозерова М.В., Зиновьев В.П., Кулемзин В.М. Исторический и этносоциальный аспекты анализа эффективности национальной политики российского государства XIX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. №65. С. 178–190.
15. Магомедханов М.М. Адат, шариат и российские законы в Дагестане // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2004. № 16. С. 75–83.
16. Мусаев М.А. Политика Российской Империи в отношении мусульманского «духовенства», шариата и адата в Дагестане после падения имамата // Мир ислама. История. Общество. Культура. 2009. С. 101–105.
17. Магомедханов М.М. Вопросы корреляции адата, шариата и российских законов в Дагестане второй половины XIX – первой половины XX века // Традиции

REFERENCES

1. Magomedkhanov MM., Sadovoy AN. Ethnosocial consequences of depopulation of mountain territories: Dagestan and North Ossetia. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021, 17(2): 507-522. (In Russ)
2. Badenkov YuP. *Life in the mountains. Natural and cultural diversity – diversity of development models*. Moscow: GEOS, 2017. (In Russ)
3. Osmanov M-ZO. *Economic and cultural types (areas) of Dagestan (from ancient times to the beginning of the 20th century)*. Makhachkala: DSC RAS, 1996. (In Russ)
4. Osmanov M-ZO. *Economic and cultural types (areas) of Dagestan in the Soviet era. Patterns of development and transformation, erosion of traditional forms*. Moscow: Nauka, 2002. (In Russ)
5. Aglarov MA. *Rural community in Nagorny Dagestan in the 17th – early 19th centuries: (study of the relationship between economic forms, social structures and ethnicity)*. 2nd ed., add. Makhachkala: Nauka-Dagestan, 2014. (In Russ)
6. Avasyan GE. *People and mountains. History, theory, practice*. Moscow: Mysl, 1989. (In Russ)
7. Chistyakov KV., Kaledin NV. (eds.). *Mountains and people. Changing landscapes and ethnic groups of the inland mountains of Russia*. St. Petersburg: VV, 2010. (In Russ)
8. Kotlyakov VM., Badenkov YuB., Chistyakov KV. (eds.). *Exploration of the mountains. Mountain regions of northern Eurasia. Series Questions of Geography*. Moscow: Kodeks, 2014. (In Russ)
9. Sadovoy AN. *Territorial community of Gorny Altai and Shoria (late 19th – early 20th centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1992. (In Russ)
10. *Traditional knowledge of indigenous peoples of the Sayan-Altai ecoregion in the field of environmental management. Information and methodological guide*. Barnaul: Azbuka Publishing House, 2009. (In Russ)
11. Sadovoy AN., Pruel NA. *Ethnosocial monitoring: principles, methods, practice. Scientific and methodological complex*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1886. (In Russ)
12. Poddubikov VV., Sadovoy AN., Belozerova MV. *Expertise and monitoring of traditional forms of environmental management of indigenous small ethnic groups: methods of applied ethnology*. Kemerovo: Praktika LLC, 2014. (In Russ)
13. Magomedkhanova MM., Sadovoy AN., Ataeva ZV. (eds.). *Ethnic culture of mountain development: North Caucasus*. Makhachkala: ALEF. (In Russ)
14. Sadovoy AN., Belozerova MV., Zinoviev VP., Kulemzin VM. Historical and ethnosocial aspects of analyzing the effectiveness of the national policy of the Russian state in the 19th–21st centuries. *Bulletin of Tomsk State University. History Series*. 2020, 65: 178-190. (In Russ)
15. Magomedkhanov MM. Adat, Sharia and Russian laws in Dagestan. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. 2004, 16: 75-83.
16. Musaev MA. The policy of the Russian Empire in relation to the Muslim “clergy,” Sharia and adat in Dagestan after the fall of the Imamate. *Mir Islama. Istoriya. Obshchestvo. Kultura*. 2009: 101-105.
17. Magomedkhanov MM. Issues of correlation between adat, sharia and Russian laws in Dagestan in the second half of the 19th and first half of the 20th centuries. *Traditions of the peoples of the Caucasus in a changing world:*

народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. Санкт-Петербург, 2010. С. 91–104.

18. *Абдулмажидов Р.С.* О введении гражданского законодательства в Дагестанской области в XIX в. // Карачаево-Черкесия в социокультурном пространстве Кавказа. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 2017. С. 26–36.

19. *Magomedkhanov M.M., Chenciner R., Garunova S.M.* Ethno-religious and legal aspects of the pre-soviet government of the Dagestan region // *Религиоведение*. 2019. № 1. С. 29–37.

20. *Агларов М.А., Магомедханов М.М.* Из имперского опыта управления Кавказом // *Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения*. М., 2014. С. 311–317.

21. Всеподданейшая записка Главноначальствующего гражданского частью на Кавказе. 1882–1890. Тифлис, 1890. С. 25–26.

22. Феодалные отношения в Дагестане XIX – начале XX в.: Архивные материалы. Сост. Х.М. Хашаев. М.: Наука, 1969. – 396 с.

23. *Даниялов Г.Д.* История Дагестана. Т. III. М.: Наука, 1968. – 426 с.

24. *Магомедханов М.М.* Дагестанцы: вехи этносоциальной истории XIX–XX вв. Махачкала, 2007. – 216 с.

25. *Османов Г.Г.* Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М.: Наука, 1984. – 152 с.

26. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920–1945 гг.) / сост.: Какагасанов Г.И., Каймаразова Л.Г., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Асылдаров С.Ч. Т. I. Махачкала: ИД Наука плюс, 2006. – 348 с.

27. Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927–1940 гг.). Документы и материалы. Составитель: Какагасанов Г.И. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 268 с.

28. *Белозёрова М.В., Магомедханов М.М.* Опыт регулирования миграционных потоков на региональном уровне: конец 1980-х - 1990-е годы // *История, археология и этнография Кавказа*. 2021. Т. 17. № 4. С. 968–984.

29. *Ибрагимов М.-Р.А., Магомедханов М.М.* Этнодемографические аспекты формирования городского населения Дагестана (вторая половина XIX – начало XXI в.) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. История. 2009. № 1. С. 247–259.

30. *Ибрагимов М.-Р.А.* Депортация населения Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и ее этнокультурные последствия // *Вестник Дагестанского научного центра*. № 43. С. 84–90.

31. *Егоров В.К., Ибрагимов М.-Р.А.* Этносоциальные и правовые аспекты положения на Северном Кавказе // *Труды Института государства и права РАН*. Вып. 1. 2016. С. 150–163.

32. *Багомедов М.А.* Социально-демографические проблемы развития Махачкалинско-Каспийской агломерации // *Вопросы структуризации экономики*. 2013. № 4. С. 11.

continuity and gaps in sociocultural practices. St. Petersburg, 2010: 91–104.

18. *Abdulmazzhidov R.S.* On the introduction of civil (empire-wide) legislation in the Dagestan region in the 19th century. Karachay-Cherkessia in the sociocultural space of the Caucasus. *Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation*. 2017: 26–36.

19. *Magomedkhanov M.M., Chenciner R., Garunova S.M.* Ethno-religious and legal aspects of the pre-soviet government of the Dagestan region. *Religiovedenie*. 2019, 1: 29–37.

20. *Aglarov M.A., Magomedkhanov M.M.* From the imperial experience of managing the Caucasus. *Russian Caucasus: problems, searches, solutions*. Moscow, 2014: 311–317.

21. *The humble note from the Commander-in-Chief of the civilian unit in the Caucasus*. 1882–1890. Tiflis, 1890: 25–26.

22. *Feudal relations in Dagestan in the 19th – early 20th centuries: Archival materials*. Comp. H.M. Khashaev. Moscow: Nauka, 1969.

23. *Daniyalov G.D. History of Dagestan*. Vol. III. Moscow: Nauka, 1968.

24. *Magomedkhanov M.M. Dagestanis: milestones in the ethnosocial history of the 19th–20th centuries*. Makhachkala, 2007.

25. *Osmanov G.G. The genesis of capitalism in agriculture of Dagestan*. Moscow: Nauka, 1984.

26. *The agrarian question and the resettlement of the highlanders of Dagestan to the plain (1920–1945)*. Comp. by Kakagasanov G.I., Kaymarazova L.G., Butaev M.D., Dzhambulatova R.I., Asildarov S.Ch. T. I. Makhachkala: Nauka Plus, 2006.

27. *Collectivization and anti-collective farm protests in Dagestan (1927–1940). Documents and materials*. Comp. by Kakagasanov G.I. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2007.

28. *Belozerova M.V., Magomedkhanov M.M.* Experience in regulating migration flows at the regional level: the late 1980s - 1990s. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021, 17(4): 968–984.

29. *Ibragimov M-RA., Magomedkhanov M.M.* Ethnographic aspects of the formation of the urban population of Dagestan (second half of the 19th – early 21st centuries). *Bulletin of St. Petersburg University. History*. 2009, 1: 247–259.

30. *Ibragimov M-RA.* Deportation of the population of Dagestan during the Great Patriotic War (1941–1945) and its ethnocultural consequences. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. 2011, 43: 84–90.

31. *Egorov V.K., Ibragimov M-RA.* Ethnosocial and legal aspects of the situation in the North Caucasus. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 1. 2016: 150–163.

32. *Bagomedov M.A.* Socio-demographic problems of development of the Makhachkala-Caspian agglomeration. *Questions of economic structuring*. 2013, 4: 11.

Поступила в редакцию 13.01.2022 г.

Принята в печать 19.02.2024 г.

Опубликована 15.03.2024 г.

Received 13.01.2022

Accepted 19.02.2024

Published 15.03.2024